

А. П. КАЖДАН

ВАСИЛИКИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Историк, изучающий социально-экономические отношения в Византии конца IX в., постоянно оказывается перед лицом больших, иной раз почти непреодолимых трудностей, заключающихся прежде всего в скудости наличных исторических источников. Действительно, ему приходится обращаться по преимуществу к нарративным памятникам, по самой своей природе дающим неполное и одностороннее отображение экономической жизни; к тому же число и этих памятников сравнительно невелико.

Высказанное здесь положение может на первый взгляд показаться ошибочным, чрезмерно пессимистическим. Ведь именно в конце IX в. были изданы три обширных законодательных памятника: Прохирон, Эпанагога и Василики. Последний, в частности, представляет собой сборник, состоящий из 60 книг, охватывающих самые различные стороны уголовного, гражданского и государственного права. Возникает естественный вопрос, не можем ли мы найти в этих памятниках материал для характеристики общественного строя Византии IX в.?

Прохирон¹, составленный в 870—879 гг., рассматривает главным образом вопросы гражданского оборота, брачного и наследственного права. Его составители отвергли законодательство иконоборцев; в подавляющем большинстве случаев нормы Прохирина восходят к римскому праву, что позволило В. Сокольскому считать их более древними, нежели нормы иконоборческой Эклоги². Другой исследователь — М. Бенеманский — подчеркивает, что составители Прохирина работали механически и находились в рабской зависимости от своих источников³. Лишь в некоторые титулы Прохирина были включены постановления императора Василия I (867—886), из которых особенно важны два: воспреещение взимания процента (XVI, 14) и разрешение отпуска на волю рабов, принадлежавших лицам, умершим без завещания (XXXIV, 17). Остальные затрагивают частные вопросы (о четвертом браке и конкубinate — IV, 25—26, о числе свидетелей при составлении завещания — XXI, 16, о лишении права наследования — XXXIII, 30—32 и некоторые другие) и к тому же сплошь да рядом представляют собой комментарий к юстинианову праву (например, XIV, 11).

Эпанагога⁴ была составлена несколько позднее, по-видимому, в 884—

¹ *Ἡ πρόχειρος νόμος*, ed. C. Zachariae a Lingenthal. Heidelberg, 1837; J. et P. Zepos. *Jus Graecoromanum*, vol. II, p. 114 sq. См. М. Бенеманский. *Ἡ πρόχειρος νόμος*. Сергиев-Посад, 1906.

² В. Сокольский. Византийское право. Новый Энциклопедический словарь. т. X, стр. 499.

³ М. Бенеманский. Ук. соч., стр. 109 и сл.

⁴ C. E. Zachariae a Lingenthal. *Collectio librorum juris Graeco-Romani ineditorum*. Lipsiae, 1852; J. et P. Zepos. *Op. cit.*, vol. II, p. 236 sq. См. В. Со-

886 г. Как и Прохирон, Эпанагога осуждает законодательство иконоборцев, но в отличие от Прохирана она содержит значительные уступки исаврийской Эклоге, особенно ярко проступающие в XIX титуле. В то же время Эпанагога включает ряд новых титулов, касающихся различных сторон византийского права.

Новые параграфы Эпанагоги затрагивают вопросы государственного (II, 1—5) и церковного права (III, 1—11, VIII, 1—2. 7—11, IX, 13—16, X, 6, XI, 11. 14, XXXVIII, 20), судоустройства (XI, 1—9, XII, 18) и долгового права (XXVIII, 1—2. 4), семейных, имущественных и наследственных отношений, уголовного права. Некоторые из этих параграфов восходят к новеллам византийских императоров (например, XXI, 4, XXVIII, 4⁵ и, видимо, XXVIII, 2), другие же представляют собой комментарии к юстинианову праву⁶.

Некоторые из параграфов Эпанагоги действительно являются существенным источником для истории социальных и политических отношений в Византии того времени. Таковы в первую очередь III, 1—11 (регламентация прав патриарха), XI, 1—9 (характеристика судебных ведомств), XXIII, 19 (запрещение архонтам приобретать земельные владения от подчиненных им лиц как в форме пожалования, так и путем покупки), XXVIII, 2 (запрещение взимать процент), XXXIII, 23 (признание взаимонаследования стратиотов). Однако эти постановления затрагивают лишь отдельные стороны общественных отношений в Византии.

Гораздо более сложным является вопрос о наиболее обширном сборнике законов — о Василиках⁷, по материалам которых, если судить по их содержанию, казалось бы, можно нарисовать всестороннюю картину правовых отношений в империи.

Василики были составлены в начале правления императора Льва VI (886—912): они были завершены примерно в 890 г. В предисловии к компендиуму X в. Эпитоме говорится, что император Лев при помощи протопафария Симватия и других мужей собрал «почти все законы» из XII таблиц, Дигест Юстиниана, Институций и Новелл и изложил их в шестидесяти книгах⁸.

Вопрос о том, в какой мере Василики соответствовали византийским условиям периода их составления, по-разному решается в исторической литературе. К. А. Бек утверждал, что Василики отбросили устаревшие нормы римского права и сохранили только те законы, которые продолжали применяться⁹. Близкое к этому суждение высказывал и А. Террассон, который видел в Василиках смещение юстинианова права с византийским, причем он считал, что византийское право преобладало в Василиках над римским¹⁰. Таким образом, и Бек и Террассон рассматривали Василики как сборник действующего права, отвечающего условиям IX в. Против этой

кольский. О характере и значении Эпанагоги (BV, I, 1894); Ф. Дэльгер (F. Dölger. BV, 39, 1939, S. 523 f. Ср. также BV, 36, 1936, S. 273) утверждал, что Эпанагога не является официальным памятником византийского законодательства. Ср. J. Scharf. Photios und die Epilogoge. BV, 49, 1956.

⁵ Соответствующий параграф в Прохироне — XVI, 14.

⁶ Например, XII, 7 или XVI, 5. Последний параграф представляет собой простоян вариант Эпанагоги, XVI, 4 (ср. Basil., XXVIII, 4, 14).

⁷ Basilicorum libri LX, ed. G. E. Heimbach, t. I—VI. Lipsiae, 1833—1870; C. E. Zachariae a Lingenthal. Supplementum editionis Basilicorum Heimbachianae. Lipsiae, 1846; Basilicorum libri LX, vol. VII, ed. E. C. Ferrini et J. Mercati. Lipsiae, 1897. В 1953 г. голландский ученый Х. Шелтема начал новое издание Василик и схолий к ним.

⁸ Jus, II, p. 280. 21.

⁹ C. A. Beck. De novellis Leonis augusti et philosophi. Halae, 1779, p. 24 sq.

¹⁰ A. Terrasson. Histoire de la jurisprudence Romaine. Paris, 1750, p. 359.

точки зрения решительно высказался К. Витте, который оценивал юридические памятники времен Василия I и Льва VI как документы, повторяющие старые нормы и полностью игнорирующие новое право¹¹.

Оба эти взгляда, сложившиеся в конце XVIII и начале XIX в., сохраняются и в современной исторической литературе. Так, Р. С. Лопес считает невозможным рассматривать Василики только как памятник римского права и надеется найти в них материал для истории права VI—X вв.¹² По словам М. Я. Сюзюмова, «на Василики следует смотреть не как на некое литературное изложение старинных законов, а как на действовавшее в X в. право»¹³, а по мнению Е. Э. Гранстрем, в Василиках «отражен процесс разорения и закрепощения крестьянства»¹⁴. Гораздо более скептически относится к юридическим памятникам Ф. Дэльгер, который подчеркивает, что антиквизирующие тенденции источников этого рода делают их в большинстве случаев мало применимыми для изучения действительных отношений времени их издания¹⁵. По мнению Г. Каппесовой, было бы рискованно положить в основу исследования юридические источники, поскольку они сплошь да рядом отражают такое состояние дел, которое было весьма далеким от действительного¹⁶. Точно так же Б. Зиноговиц указывает, что, встречая в византийских правовых книгах ту или иную норму, мы должны ставить перед собой вопрос, соответствовала она действительности или же существовала только на бумаге¹⁷.

Столь противоречивая оценка этого памятника объясняется двойственностью самого источника, тем, что часть юридических норм, включенных в него, устарела уже к моменту его составления, другие же могли применяться и в это время. Поэтому для правильного решения вопроса о значении Василик как исторического источника необходимо по возможности точно определить, какой круг вопросов, затронутых в Василиках, соответствовал реальной действительности Византии IX в. и какой не соответствовал. Эту задачу и ставит перед собой данная статья.

Василики дошли до нас в скверной рукописной традиции: нет ни одной рукописи, которая содержала бы полный текст, а отдельные книги (например, XIX, XXXI—XXXIV, XXXVI, XXXVII) не сохранились и восстанавливаются лишь по поздним юридическим документам. При этом сохранившиеся рукописи далеко не всегда содержат удовлетворительный текст. Так, восстановленный К. Э. Цахариэ фон Лингенталем по поздним памятникам текст первой книги отличается от текста Coisl. 151, положенного в основу издания Г. Геймбаха; Цахариэ считает, что переписчик Coisl. 151 сделал в рукописи некоторые добавления¹⁸. Большое значение для восстановления подлинного текста Василик имеет Типукит Патцеса, причем сопоставление Типукита с изданием Василик Г. Геймбаха позво-

¹¹ K. Witte. Über die Novellen der byzantinischen Kaiser. Zeitschrift für Rechtsgeschichte, Bd. VIII, 1836, S. 213. Ср. М. Бенеманский. Ук. соч., стр. 9.

¹² R. S. Lopez. Byzantine law in the VIth century. Byz., 16, 1944, p. 446.

¹³ М. Я. Сюзюмов. О социальной сущности законодательства «Василик». ВВ, VI, 1953, стр. 73. Ср. его же. Новые работы советских византистов. ВВ, VI, 1953, стр. 282.

¹⁴ В кн. А. Д. Люблинская. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955, стр. 101.

¹⁵ F. Dölger. Byzanz und die europäische Staatenwelt. Ettal, 1953, S. 218.

¹⁶ H. Evert-Kappesowa. Рецензия на книгу А. Хаджиниколау-Марава. BS, XVI, 2, 1955, p. 353.

¹⁷ B. Sinogowitz. Vom Recht und den Rechtsbüchern der Byzantiner. Altertum, Bd. II, 1956, S. 39.

¹⁸ K. E. Zachariä von Lingenthal. Beiträge zur Kritik und Restitution der Basiliken. ZAH, VII серия, т. XXIII, 1877, № 6, стр. 15 и сл.

ляет установить, что первоначальный текст *Василик*, находившийся в XI в. в распоряжении Патцеса, был ближе к *Дигестам*, нежели текст *Геймбаха*: в нем сохранялась нумерация *Дигест*, а также некоторые параграфы, отсутствующие в издании *Геймбаха*¹⁹.

Текст *Василик* представляет собой компиляцию из сочинений восточно-римских юристов второй половины VI в., составивших на греческом языке индексы и парафразы к юстинианову своду законов. Ф. Лоусон на основе анализа *Basil.*, XI, 1 и XII, 1 по *Coisl.* 152 пришел к выводу, что составители *Василик* пользовались следующими источниками²⁰:

1) Суммой Анонима, которая давала сокращенный перевод *Дигест*, опуская дискуссию юристов и передавая лишь результат этой дискуссии;

2) Индексом Дорорея, представлявшим собой почти буквальный перевод *Дигест* на греческий язык;

3) Индексом Стефана, где парафраза *Дигест* прерывалась комментарием, объяснениями и примерами;

4) Индексом Фалелея к Кодексу, содержащим буквальный перевод, а также введение и замечания к тексту.

Кроме того, привлекался сухой и краткий Индекс Кирилла, работа Энантиофана, сопоставлявшего противоречивые положения Кодекса и *Дигест*, и некоторые другие сочинения.

Следовательно, греческий перевод и пересказ норм римского права, который мы находим в *Василиках*, был выполнен не в IX, а в VI в.²¹

Кроме сочинений юристов конца VI в., в *Василики* были включены лишь незначительные фрагменты Прохирона.

Текст *Василик* снабжен схолиями, которые распределены в издании *Геймбаха* крайне неравномерно: одни книги вовсе не имеют схолий, другие же (например, XX—XXIII, XXVIII, XXIX) снабжены ими обильно. Это различие объясняется рукописной традицией: в одних рукописях (например, в *Coisl.* 151, содержащей первые 9 книг) схолий нет, тогда как в других их много (например, в *Coisl.* 152, содержащей книги XI—XIV)²². Из этого можно сделать вывод, что схолии отсутствовали в первоначальном тексте и были внесены в него впоследствии отдельными комментаторами.

Схолии в свою очередь разделяются на две группы. Первая — это так называемые «древние» схолии, представляющие собой отрывки из тех же сочинений греческих юристов VI в., из которых почерпнут и самый текст *Василик*; эти схолии, следовательно, в такой же мере опираются на римское право, как и сами *Василики*. Вторая группа — поздние схолии, по преимуществу отрывки из сочинений юристов XI—XII вв. Среди них представлены схолии из сочинений Евстафия Романа (например, *Basil.*, LX, 37,79,

¹⁹ E. Seidl. Die Basiliken des Patzes. Festschrift P. Koschaker, Bd. III, 1939, S. 297 f., 306 f. Л. Шмитт в диссертации, защищенной в 1955 г. в Эрлангене (L. Schmitt. Die Scholien zum Buch XII Titel I der Basiliken), также пришел к выводу, что нумерация глав в ряде рукописей *Василик* соответствует нумерации *Дигест* — в отличие от издания Г. Геймбаха — см. E. Seidl. BZ, 49, 1956, S. 244.

²⁰ F. H. Lawson. The Basilica, II. Law Quarterly Review, vol. 47, 1931, p. 537 f. Ср. L. Wenger. Die Quellen des römischen Rechts. Wien, 1953, S. 703.

²¹ В данной связи несущественен вопрос о качестве перевода *Дигест* и Кодекса на греческий язык. Отметим все же, что С. Васис (S. Vasēs. Οι Παυδέχται και τὰ Βασιλικά. Ἀθήναις, 1910) показал на ряде примеров, что перевод *Дигест*, который мы находим в *Василиках*, был несовершенным и нередко ошибочным. См. рецензию Р. Марс. BZ, 20, 1911, S. 616.

²² F. H. Lawson. The Basilica, I. Law Quarterly Review, vol. 46, 1930, p. 489. См. также F. Pringsheim. Zum Plan einer neuen Ausgabe der Basiliken. Berlin, 1956, S. 2 f.

sch. 5 из Пиры 49.4), Иоанна Номофилакса, Калокира Секста, Патцеса и др. Следовательно, Василики со схолиями — это сборник, составленный, по-видимому, не ранее XIII в. Только в этом позднем сборнике (в поздних схолиях) встречается упоминания постановлений соборов, новелл Льва VI и других императоров.

Когда мы переходим к анализу Василик по существу, то прежде всего возникает вопрос о соотношении их с юстиниановым Сводом законов²³. Василики не вытеснили окончательно юстинианова свода. Об этом свидетельствует автор трактата XI в. «Рассуждение о *tracta puda*», который рекомендует изучать Дигесты, являвшиеся более полным сводом права, а затем уже переходить к менее подробным Василикам²⁴. Он рассматривает, следовательно, оба памятника как имеющие равное практическое значение. Лев VI в своих новеллах не ссылается на Василики, но лишь на юстинианов свод законов. Вряд ли это можно объяснить, подобно С. Спалберу, «ученической привычкой» Льва²⁵. Пира ссылается на нормы юстинианова права, которые не были включены в Василики²⁶. Чрезвычайно показательны в этом отношении и замечания поздних схолиастов. Так, Калокир Секст знает Дигесты и противопоставляет их Василикам (Basil., XXVIII, 8.50, sch.), а Иоанн Номофилакс отдает предпочтение юстинианову своду (Basil., XIII, 1.18, sch. 4), упрекая авторов Василик в неверных переводах (Basil., XXI, 1.46, sch. 21).

Следовательно, Василики были созданы не для того, чтобы заменить юстинианово право или дополнить его византийскими нормами, как думал в свое время А. Террассон, — они представляли собой изложение юстинианова права, которое продолжало, скорее всего, считаться действующим правом²⁷.

Коль скоро Василики являлись в Византии *действующим* правом, они должны были так или иначе соответствовать той исторической среде, в которой они применялись. Значительное количество норм, возникших в условиях существования рабовладельческой формации, могло сохранять значение и при феодализме, и в буржуазном обществе — при всем коренном различии общественного строя. Это прежде всего те постановления, которые связаны с регламентацией товарного производства и присущих ему сделок купли-продажи, обязательств и т. п. Так, определение условий купли-продажи, которое мы находим в Василиках (XIX, 1.8 и многие другие), сложившееся в условиях рабовладельческого общества, вполне могло регламентировать товарные отношения и во всяком другом обществе: то же самое относится к регламентации дарения (Basil., XLVII, 1.62 и др.), заклада (Basil., IX, 7.34—57 и др.) и к наиболее общим принципам наследственного права (Basil., XLV, 4.2 и др.). вполне соответствовали этим потребностям и те статьи Василик, которые регулировали форму заклю-

²³ Этот вопрос был предметом дискуссии в последние годы. По мнению А. Берджера (A. Berger. *Studi sui Basilici*, IV. La Legislazione di Giustiniano ed i Basilici. *Jura*, vol. 5, 1954), юстинианово право сохраняло свое значение лишь в области преподавания и комментирования Василик, тогда как Х. Шелтема (H. J. Scheltema. *Über die Natur der Basiliken*. *Tijdschrift voor rechtsgeschiedenis*, vol. 23, 1955) полагает, что Василики явились новым, более практичным изданием сохранившегося свое значение юстинианова законодательства. См. F. D (ö l g e r). *BZ*, 48, 1955, S. 530. Л. Венгер также считал, что в X в. юстинианов корпус оставался действующим правом (L. Wenger. *Op. cit.*, S. 720 f.).

²⁴ Д. И. Азаревич. История византийского права, ч. 2. Ярославль, 1877. стр. 85 и сл.

²⁵ С. А. Spulber. *Les Nouvelles de Léon le Sage*. Cernaufi, 1934, p. 41.

²⁶ Например, Пира 48, 3. См. *Jus*, I, p. 220, n. 1.

²⁷ Они были задуманы, по словам Ф. Лоусона (F. H. Lawson. *The Basilica*, I, p. 500), как указатель (a guide to the meaning) к *Corpus juris*.

чения сделок (например, Basil., II, 3.142), требовали добросовестного ведения дел (Basil., XVII, 1.1), определяли деликты (Basil., II, 3.152), касались охраны владельческих прав (кн. L) и т. п.

Римское право представляло собой «первое всемирное право общества товаропроизводителей»²⁸, и именно в силу этого его основные нормы в общем и целом соответствовали потребностям товарного хозяйства, поскольку оно существовало в условиях феодализма.

Но если Василики бесспорно являлись источником права, то еще очень спорным является вопрос, в какой мере они могут служить историческим источником.

М. Я. Сюзюмов вполне прав, когда он рассматривает Василики как сборник, отвечавший потребностям торгово-ремесленной верхушки византийского города, в котором существовало товарное производство²⁹. Но нас интересует другой вопрос: в какой мере мы можем использовать компиляцию из сочинений греческих правоведов второй половины VI в., переведивших и комментировавших постановления римского права, для характеристики общественных отношений, для изучения конкретных условий жизни Византии IX в.?

Суть дела заключается в следующем: из Василик мы можем сделать несомненный вывод о наличии в Византии IX в. товарного производства и частновладельческих отношений. Однако вправе ли мы считать, что конкретные формы общественных отношений, о которых идет речь в Василиках, соответствуют византийской действительности конца IX в.? Вправе ли мы считать, например, что те ремесленные профессии, которые перечисляют Василики, XVIII, 1.5, действительно имелись налицо в Византии IX в.?

В текст Василик были включены почти целиком постановления Дигест (за исключением четырех титулов) и основная часть Кодекса³⁰. При этом в Василики вошли многие устаревшие юридические нормы. Так, Basil., LX, 46.1 запрещают становиться стратигом или священником в каком-либо городе при помощи заискивания перед демосом (из Dig., 48, 14.1, 1), но уже сходя к этому параграфу Василик указывала, что этот закон не имеет силы, так как должностное лицо получает назначение от императора, а не в результате голосования народа.

В Василиках постоянно упоминаются области, давно уже потерянные Византийским государством: Египет (Basil., I, 1.27; VI, 4.5; LVI, 9.5; LX, 25.6; LX, 54.7, § 5), Иллирик (Basil., V, 1.5; IX, 1.133), Африка (Basil., XXXVII, 2.14), Скифия и Мизия (Basil., IX, 2.3), Первая Сирия (Basil., VI, 1.93; VI, 3.4). Явным архаизмом звучит постановление Basil., IX, 1.78, разрешающее вести суд на латинском и греческом языках.

Архаизм Василик проявляется чрезвычайно отчетливо в тех параграфах, которые затрагивают вопросы государственного строя. Василики постоянно упоминают такие должности, которые уже не существовали в Византийской империи: римского консула (VI, 2.3—5), куратора полиса (IX, 1.84), императорских легатов (VI, 1.35 и 42), августалия и викария (VI, 1.90), эпарха претория (VI, 4.8), никтэпарха (VI, 5.1), анфипата Каппадокии (VI, 16), модератора Аравии (VI, 15), анфипата Палестины (VI, 17) и т. п. Многие термины, обозначающие должности, употребляются в Василиках не в том значении, какое они имели в IX в., а в старом значении. Это относится к таким терминам, как уже упомянутый выше анфипат

²⁸ Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II. Господитиздат, 1955, стр. 376.

²⁹ М. Я. Сюзюмов. О социальной сущности „Василик“, стр. 74.

³⁰ F. H. Lawson. The Basilica, I, p. 452.

(VI, 2.8 и 11—13), а также ипат (VI, 1.12 и 15; XLVIII, 2.19) и логофет (LVI, 10.5)³¹. Совершенно без учета конкретной действительности IX в. формулируют Василики постановления относительно синклита и т. п.

Первая книга Василик, регламентирующая вопросы, связанные с вероисповеданием, упоминает такие ереси, которые давно уже перестали существовать: донатистов (I, 20), несториан (I, 22), монтанистов (I, 29—30) и др.

Чрезвычайно осторожно следует рассматривать также и те данные, которые содержатся в Василиках относительно социального статуса лиц. Этот памятник в полной мере сохраняет рабовладельческие нормы римского права: рабы упоминаются в сотнях параграфов, целые титулы регламентируют вопросы, связанные с рабовладением (VII, 15; XVI, 7; XIX, 7; XXIV, 7, а также вся кн. XLVIII). В отличие от этого не только социальные отношения IX в., но даже социальная терминология этого времени не нашла отражения в Василиках. Так, термин *eūγενεῖς*, который в IX—X вв. употреблялся в значении «благородные»³², имеет в Василиках совершенно иной смысл и соответствует римскому термину *ingenui* (Basil., XLVI, 1.3. Ср. также I, 1.36; III, 1.32 и др.). Термины, которые употребляют Василики для обозначения группировок сельского населения, в такой степени далеки от действительности IX—X вв., что Н. Константинеску называет их «галиматшей»³³.

Во многом это соответствовала действительности и регламентация семейного права в Василиках и в Прохироне. Сборники византийского права сохраняют римскую концепцию «подвластности» сына, хотя Василики (XXXI, 1.3) и указывают, что эта форма семейных отношений присуща только римлянам. В действительности же сыновья могли свободно распоряжаться своим имуществом³⁴. Если в Василиках сохранялся римский принцип, что для помолвки достаточен *nudus consensus*, то уже начиная с 98 канона Трулльского синода византийское право вводило официальное оформление помолвки³⁵. В соответствии с принципами Сирийского законника Эклога, I, 1—2 требовала не только торжественного оформления помолвки, но и дачи *arra sponsalia*³⁶. Эпанагога, XIV, 11 и 18-я новелла Льва VI устанавливают штраф за нарушение помолвки, а 74-я новелла Льва VI прямо сближает помолвку с браком³⁷. Наличие такой формы заключения помолвки подтверждается и Пирой³⁸.

³¹ Столь же архаична и терминология для обозначения должностных лиц в VI и VII титулах Эпанагоги, где термин „анфипат“ соответствует латинскому „проконсул“. Ср. также Эпанагога, XXXVIII, 9.

³² См. у Фотия (PG, t. 102, col. 173 D) и Николая Мистика (*ibid.*, t. 111, col. 389 C), а также в Тактике Льва, II, 22.

³³ N. Constantinescu. *Réforme sociale ou réforme fiscale*. Acad. Roumaine, Bull. de la sect. hist., vol. 11, 1924, p. 99.

³⁴ Пира, 14.9—10 рассматривает случай, когда сын умирает, оставив завещание, в котором недостаточно обеспечивает интересы отца и матери. При этом Пира, 14.10 распространяет на родителей постановление Basil., XXXIX, 1.54, где идет речь о лицах, имеющих право на „законную долю“ наследственной массы. Однако Василики в указанном месте не называют прямо родственников асцендентов; наоборот, в следующих главах (Basil., XXXIX, 1.55—56) идет речь об отце, противозаконно лишающем сына его доли наследства. Это любопытный пример пересмысления составителем Перы прямого указания Василик. Следует отметить, что права асцендентов на наследование были признаны и классическим римским правом, допускавшим известные имущественные права сыновей.

³⁵ P. Koschaker. *Zur Geschichte der arrha sponsalia*. Zeitschrift der Savigny-Stiftung. Roman. Abt., 1912, S. 407.

³⁶ *Ibid.*, S. 396 f.

³⁷ Jus, III, p. 172.17.

³⁸ Пира, 17, 14. Ср. также Пира, 17, 19.

54-й канон Трулльского синода установил, что некоторые отношения родства служили препятствием к заключению брака: отец и сын не могли жениться соответственно на матери и дочери и т. п. В отличие от этого Прохирон (VII, 7), Эпанагога (XVII, 7) и Василики (XXVIII, 5.1 и сл.) возвращаются к юстинианову праву и не видят в подобном родстве препятствия для брака³⁹. Точно так же Прохирон, Эпанагога и Василики рецепируют римские нормы относительно усыновления, тогда как Распространенная эпанагога (XV, 9) свидетельствует об изменении отношения к этому институту в действующем византийском праве X в. Наследственное право в Византии также отличалось от юстиниановых норм, сохраненных официальными памятниками⁴⁰. Так, Basil., XXXV, 8.1 и сл. сохраняют старые предписания относительно лишения наследства (римской *exhereditatio*), имевшие лишь историческое значение. Василики последовательно проводят (кн. XL) разграничение между *bonorum possessio* и *hereditas*, которое не имело практического значения. То же самое можно сказать и относительно римского понятия стипуляции, которое широко используется в разных книгах Василики и которое тем не менее не имело в Византии практического применения⁴¹.

Число таких примеров может быть значительно увеличено.

Было бы весьма существенно найти метод, который позволил бы определить, какие именно разделы Василики использовались юристами-практиками. С этой целью мы обратились к Пире — сборнику судебных решений второй половины X и начала XI в.⁴² Составитель Пирь широко использует Василики — мы найдем в ней сотни ссылок и цитат. При этом Пира нередко дополняет Василики, приближая их к практическим потребностям. В некоторых случаях автор Пирь указывает на неполноту Василики⁴³, отмечает устаревшие законы⁴⁴. В то же время в ряде титулов автор Пирь не приводит ссылку на Василики и излагает нормы, чуждые Василикам. Это титулы 2, 9, 13, 18, 20, 24, 29, 32, 33, 50, 52, 57, 71, 74. К ним можно прибавить также титулы 15, 25, 46, 58 и некоторые другие, в которых ссылки на Василики крайне редки. В этих титулах идет преимущественно речь об отношениях собственности и аренды, о социальном статусе (парики и рабы), о ярмарках, о некоторых чертах политической организации.

Ниже мы приводим цифры, которые показывают, сколько раз используется в Пире та или иная книга Василики⁴⁵ (см. стр. 64).

Уже беглый взгляд на эту таблицу позволяет видеть, что различные книги Василики использовались на рубеже X—XI вв. чрезвычайно неравномерно. Византийские юристы использовали прежде всего XIX книгу Василики, трактующую вопросы, связанные с куплей-продажей. При этом особенное внимание было уделено титулам 10-му и 11-му (всего 80 упоминаний), в которых идет речь о возвращении купленной вещи, а также титулу первому, трактующему о заключении сделок купли-продажи⁴⁶. Широко исполь-

³⁹ K. E. Zachariä von Lingenthal. *Geschichte des Griechisch-Römischen Rechts*. Leipzig, 1892, S. 66, A. 111.

⁴⁰ См. E. S(eidl). *BZ*, 38, 1938, S. 587.

⁴¹ K. E. Zachariä von Lingenthal. *Geschichte...*, S. 294.

⁴² Она издана С. E. Zachariae a Lingenthal. *Jus Graeco-Romanum*, I; J. et P. Zeros. *Op. cit.*, vol. IV. См. о ней A. P. Christophilopoulos. *Παρατηρήσεις εἰς τὴν Πίρην Εὐσταθίου τοῦ Ῥωμαίου*. *Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher*, Bd. 17, 1944.

⁴³ См. *Jus*, I, p. 14, n. 5.

⁴⁴ См., например, Пира, 53, 2 по поводу Basil., XLVII, 1.66.

⁴⁵ Таблица составлена на основании индекса К. Э. Цахариэ фон Лингентяля.

⁴⁶ Довольно широко используется также титул 7-й, в котором говорилось об освобождении и продаже рабов.

Книга Василик	Количество упоминаний в Пире	Книга Василик	Количество упоминаний в Пире	Книга Василик	Количество упоминаний в Пире
I	—	XXI	54	XLI	8
II	21	XXII	43	XLII	—
III	—	XXIII	43	XLIII	1
IV	1	XXIV	3	XLIV	10
V	2	XXV	69	XLV	6
VI	2	XXVI	20	XLVI	—
VII	9	XXVII	1	XLVII	3
VIII	3	XXVIII	28	XLVIII	1
IX	10	XXIX	12	XLIX	1
X	11	XXX	—	L	16
XI	7	XXXI	—	LI	—
XII	5	XXXII	1	LII	2
XIII	3	XXXIII	—	LIII	—
XIV	1	XXXIV	—	LIV	1
XV	1	XXXV	13	LV	1
XVI	—	XXXVI	—	LVI	8
XVII	—	XXXVII	9	LVII	—
XVIII	—	XXXVIII	—	LVIII	1
XIX	158	XXXIX	8	LIX	—
XX	1	XL	—	LX	43

зовались также посвященные закладным операциям книги XXIII и XXV, особенно титул 3-й кн. XXIII, рассматривающий вопрос о процентах (40 упоминаний), и титул 7-й кн. XXV, посвященный продаже зклада (26 упоминаний). Большое внимание было уделено также книгам XXI, XXII и преимущественно вопросам о свидетелях (XXI, 1—49 упоминаний) о доказательствах (XXII, 1—30 упоминаний). Часто цитировалась и LX книга, в которой шла речь о различных деликтах: о воровстве, разворте, составлении фальшивых документов и т. п. Несколько меньше использовалась книга XXVIII, рассматривающая брачные отношения, и книга XXVI о поручительстве и уплате долгов.

Почти совершенно не использовались те книги Василик, в которых рассматривались социальные и политические отношения: книги I и III—V (о церкви)⁴⁷, VI (о должностях)⁴⁸, LVII (о войске), XXXI и XLVI (о статусе людей), XLIX (о патронах и либертах), LV (о крестьянах). Мало использовались книги, посвященные искам (XV, XVII,

⁴⁷ Из этих книг используются лишь некоторые постановления, касавшиеся в первую очередь имущественных прав церкви (Basil., V, 1.8 и V, 2.6).

⁴⁸ Пира, 30, 50 использует Basil., VI, 1.2: запрещение архонту, смещенному и не восстановленному, свидетельствовать и судить. Вторая ссылка на эту книгу неясна: Пира, 51, 9 ссылается на Basil., VI, 22 в связи с новеллой Василия II, предоставлявшей крестьянину право безвозмездно получить у дината проданную ему землю. Но в указанном титуле Василик идет речь о судебных правах архонта епархии и о контроле за ним со стороны епископа. Может быть, эта ссылка относится к следующему параграфу Пире (Jus, I, p. 243, п. 5), но и в таком случае связь

XVIII)⁴⁹ мандату (XIV)⁵⁰, узуфрукту (XVI)⁵¹, сервитутам (LVIII), аренде (XX)⁵², обязательствам (XLIII, LII), морской торговле (LIII), и некоторые другие.

Но и там, где Пира использует Василики, мы находим нередко такую формулировку, которая существенно меняет содержание того или иного постановления. Так, Пира, 10,1 содержит ссылку на Basil., VIII, 1,5, но, рассматривая вопрос, автор Пире вводит в текст такие термины из современной ему византийской действительности, которых нет в соответствующем месте Василик: протоспафарий, стратиот, динаг, синклитик. (См. также Пира, 51,10: ссылаясь на Basil., VII, 1, автор Пире упоминает фемного архонта, которого нет в Василиках). В других случаях Пира, напротив, опускает ту или иную часть цитируемой главы Василик. Так, проводя разграничения между *σπαρταίων* и *συστήρα*, Пира, 51,7 ссылается на Basil., VIII, 2, имея при этом в виду, вероятно, гл. 101⁵³. Однако имеющиеся в этой — чрезвычайно конкретной — главе очень важные подробности о видах коллегий, об их казне, синдиках и т. д. опущены Пирой.

Все это показывает, что конкретная картина общественного и государственного строя, которую мог бы получить исследователь в результате анализа Василик и некоторых других сборников римско-византийского права (в первую очередь Прохирона), во многом не соответствовала бы действительности IX в. В некоторых случаях компиляторы конца IX в. ощущали это несоответствие и пытались очистить Свод законов Юстиниана от устаревших постановлений, однако эта попытка не была проведена достаточно последовательно. Так, Василики опускают постановления Кодекса (X, 32) о куриях и декурионах, но в то же время соответствующие термины (*βουλευταί*, *πολιτευόμενοι*) постоянно встречаются в «Василиках» (VI, 1,73 и 98; LX, 51,25 и 26, § 5; LX, 54,7, § 20—21). «Василики» опускают ряд постановлений Дигест, разрешающих самопродажу в рабство, но не доводят очищение текста до конца: Basil., XXVIII, 4,21, § 6 все-таки допускает самопродажу, разрешая вольноотпущеннице развод с патроном, если он продал себя в рабство. Хотя Василики опускают титул Дигест о сенатус-консультах (1, 16), они все же в некоторых случаях признают законодательные права синклита (Basil., II, 6,13).

Во многих случаях компиляторы, видимо, даже и не пытались производить какой-либо отбор. Так, Прохирон проводит разграничение между опекой и попечительством, несмотря на то, что оно стерлось уже и в классическом праве, а в юстиниановом проступало лишь как анахронизм⁵⁴.

Итак, Василики представляют собой исторический источник крайне ограниченного значения. Они позволяют нам утверждать, что в Византии конца IX в. имело место товарное производство и соответствующие ему юридические отношения (право частной собственности в широком смысле этого слова, но отнюдь не буржуазной частной собственности, сделки купли-продажи, отношения кредита и т. п.). Однако конкретные казусы, о которых идет речь в Василиках, не имеют, как правило, ничего общего

⁴⁹ В Пире используется лишь Basil., XV, 1,107 (согласно С. Е. Zachariae a Lingenhal. Jus, I, p. 186.2 — гл. 108, однако, см. издание Г. Геймбаха, т. II, стр. 168), где идет речь о защите прав владения.

⁵⁰ Используется только Basil., XIV, 1,10: это постановление привлечено в Пире, 26, 12 в связи с вопросом о взыскании долга.

⁵¹ О переосмыслении понятия *χρῆσις* (узуфрукт) в византийском действующем праве X в. см. А. П. Каждан. Формирование феодального поместья в Византии X в. ВВ, XI, 1956, стр. 108 и сл.

⁵² Из этой книги Пира (38, 11) берет только определение продажи — Basil., XX, 4,5.

⁵³ См. Jus, I, p. 243, n. 1.

⁵⁴ См. М. Бенеманский. Ук. соч., стр. 94 и сл.

с Византией IX в., передают иную терминологию, рисуют иные общественные отношения — и в целом уводят нас в рабовладельческий мир римского права. Если при изучении общественных отношений в Византии IX в. положить в основу исследования Василики, то мы неминуемо придем к выводу о неизменности общественных отношений на протяжении VI—IX вв., к выводу о существовании в Византии IX в. рабовладельческих отношений.

Василики — это компиляция из сочинений юристов второй половины VI в., отличающаяся архаизмом и книжностью терминологии. Византийские правоведы, составлявшие в конце IX столетия Василики, не сумели, хотя и пытались, отсеять при этом архаичные, устаревшие постановления. Но несмотря на это, господствующий класс Византийской империи обрел в Василиках мощное орудие, способствовавшее укреплению его господства. Охрана частной собственности, регламентация товарного производства, законодательство в отношении колонов и рабов — все эти черты римского права, по-новому осмысленные, содействовали укреплению феодальных общественных порядков.
